

ВОЙНА Цѣна отд. № 20 коп. **НОВЫЙ** На ст. жел. д. 25 коп. **САТИРИКОН**

№ 17

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
21 АПРѢЛЯ

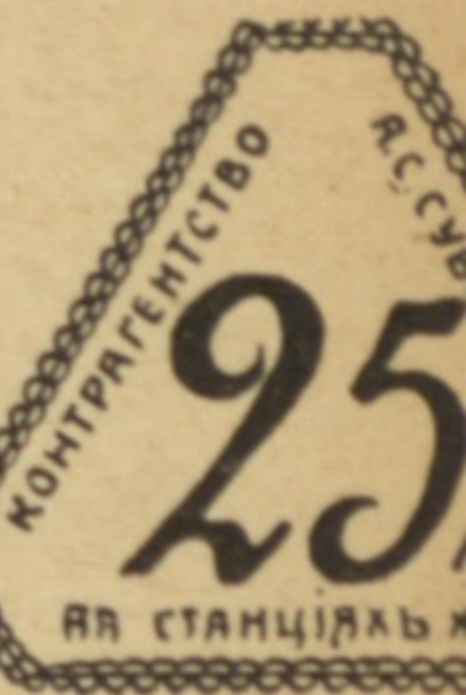
Рис. Ре-ми.

ПРОЦЕНТНАЯ НОРМА ДЛЯ ЕВРЕЕВЪ.

Министръ Игнатъевъ: — Не понимаю, зачѣмъ вы мнѣ навязываете эту собаку?

Марковъ II: — Возьмите, ваше высокопр-во, ей Богу-съ! Очень хорошая собачка, — кличка „Норма“, и евреевъ терпѣть не можетъ!..

Б О Г Е М А.

Прологъ.

Пестро расписанныя стѣны,
Нависшій сводомъ потолокъ,
Рояль, въ углу подобье сцены,
И что ни шагъ, то уголокъ,
Гдѣ страсть и легкія измѣны
И стилизованный порокъ.

Въ жарѣ, въ густомъ табачномъ дымѣ,
Тѣснясь, какъ въ тыквѣ сѣмена,
Мы становились молодыми
Отъ женщинъ, пѣсень и вина,
И наша жизнь въ удачномъ гримѣ
Была забавна и хмельна.

Барзакъ и легкія закуски,
Интимный споръ, пожатая рукъ,
Вульгаризованный по-русски
Футуристическій кунштюкъ,
И съ вырѣзомъ глубокимъ блузки
У нашихъ вѣтренныхъ подругъ.

Ты ль это, хмурая столица
Недружелюбный Петроградъ?!
Озарены улыбкой лица,
И каждый каждому здѣсь радъ.
Семья богемы веселится
На не совсѣмъ обычный ладъ.

Капризы смѣлаго искусства,
Игра экспромптовъ и рѣчей,
Рафинированныя чувства
Въ зрачкахъ расширенныхъ очей,
И нарастанье безразсудства, —
Чѣмъ глубже въ ночь, тѣмъ горячѣй.

Забутъ ли намъ всѣ ночи эти,
Когда въ нашъ беззаботный хоръ
Входилъ Бальмонтъ и Маринетти,
И коронованный Поль Форъ;
Когда шалили мы, какъ дѣти,
Которымъ нуженъ былъ надзоръ!

Однажды полночью, неожиданно,
Средь многихъ, женщина одна
Пришла въ плащѣ, какъ Монна-Ванна, —
И наступила тишина.
Я думалъ: «Такъ благоуханно
Приходитъ ранняя весна...»

Въ углу, гдѣ мракъ — мы знали это —
Ея уста отвѣтны всѣмъ.
Но намъ хотѣлось больше свѣта,
И каждый съ ней былъ грустно-нѣмъ...
Въ моей душѣ — душѣ поэта
Расцвѣлъ таинственный эдемъ.

Ловя истомныя движенья
Духами пахнущей руки,
Мы не искали достиженья
И оставались далеки.
Мы знали радость приближенья
Безъ утоленья и тоски.

Она смѣялась надъ сосѣдомъ.
О, этотъ заглушенный смѣхъ!
Казалась ночь блаженнымъ бредомъ,
И сладко жегъ стыдливый грѣхъ.
Я, какъ лунатикъ, вышелъ слѣдомъ
И подалъ ей на плечи мѣхъ...

Но мы не встрѣтимся. Я знаю
Непостижимую мечту,
Ведущую къ земному раю
Черезъ восторгъ и чистоту.
Я свѣтлый призракъ обнимаю,
Когда люблю, когда цвѣту.

И грустно мнѣ, что нѣтъ пріюта
Для тѣхъ желаній и страстей,
Чья жизнь — безцѣльная минута,
Чья боль отъ этого святѣй.
Вѣдь мы безнравственны какъ будто,
Но такъ похожи на дѣтей!

Дмитрій Цензоръ.

ФАБРИКА АНГЕЛОВЪ.

(Изданія „Чрезвычайной Слѣдственной Комиссiи“.)

Не ждите сонета отъ полкового писаря, скульптуры отъ зубного врача, изслѣдованія о неоплатонизмѣ отъ массажиста, — и литературныхъ достоинствъ отъ нѣкоего таинственнаго автора, пожелавшаго, какъ многотысячные благотворители, остаться неизвѣстнымъ. Онъ скрылся за безликимъ названіемъ своей книжицы: «Изъ жизни нашихъ героевъ воиновъ». Изданіе Чрезвычайной Слѣдственной Комиссiи (о нѣмецкихъ звѣрствахъ). Кто авторъ этой книги? Какова его біографія? Его прошлое? Его наслѣдственность? Явные и тайные пороки? Неизлѣчимыя болѣзни? Тяжелые ушибы въ дѣтствѣ?

Для потомства все это останется тайной...

* * *

«Офицеръ вынулъ изъ кармана маленькіе щипчики, точь-точь такіе, какими колютъ сахаръ. Онъ пощелкалъ ими и подошелъ къ Пилюгину... Не торопясь, засунулъ щипчики въ ротъ Пилюгину и, зацѣпивъ ими языкъ, вытянулъ его изо рта наружу. Мгновеніе... И стоявшій рядомъ солдатъ перочиннымъ ножомъ отрѣзалъ Пилюгину кончикъ языка... Нѣмецкій солдатъ протягиваетъ ему на ладони маленькій красненькій комочекъ — кусокъ его языка.

— Эй, русская свинья, — крикнулъ Миллеръ. — Мы отведемъ тебя къ генералу, тамъ тебя еще покромсаютъ немножко...»

Откуда это? Изъ разухабистаго сборника веселыхъ солдатскихъ разсказовъ подъ зазвонистымъ заголовкомъ: «Солдаты, попадавъ и унтеръ Штанишкинъ» или «Какъ фельдфебель цѣлый германскій полкъ въ плѣнъ взялъ», съ иллюстраціей, изображающей казака, нанизывающаго на пику нѣсколько десятковъ нѣмцевъ, безъ различія пола, возраста и вѣроисповѣданія? Ничуть не бывало! Все это взято изъ официальнаго изданія, отпечатаннаго въ Сенатской типографіи, и подъ каждымъ разсказомъ имѣется даже соответствующій номеръ слѣдственнаго дѣла!

* * *

Какъ ловкій расторопный ярославецъ, безъ усталости торгующій въ лавкѣ и потѣшающій покупателей веселыми прибаутками, казенный беллетристъ подсовываетъ одинъ сюжетъ другого забористѣе.

— Что прикажете? Все, сударь, въ нашемъ торговомъ домѣ имѣется. Отрѣзаннаго язычка не желаете? Напрасно... Самый свѣжій. Последняго присыла. Всѣ хвалятъ... Можетъ быть, чѣмъ-нибудь другимъ могу исполнить вашъ почтеннѣйшій заказъ? Не хотите ли краснаго товара? Вотъ, пожалуйста:

«Пѣхотинцы за шею повѣшены, на поясахъ болтаются — лица страшонныя, черныя, языки повысунуты. У одного солдата носъ отрѣзанъ, у другого ухо, а у третьяго глаза выколоты и въ одномъ глазу германскій штыкъ торчитъ».

— Не прикажете? Тогда разрешите что-нибудь политическое? Посвѣтлѣе, въ горошинку:

«Какъ узналъ нѣмецъ, что на японца-то мы поистратились, такъ и напалъ на насъ по разбойному. Сдѣлаю народъ православный батраками нѣмецкими».

— Хорошо? Можно? А вотъ не хотите ли на жилеточку? Свѣтленькое, съ рябью:

«Его раздѣли догола и положили въ деревянный гробъ (это на передовыхъ позиціяхъ-то!), обитый внутри жестью. Потомъ крышку гроба закрыли и заперли на замокъ охватывавшія его желѣзныя цѣпи».

Бойкій коробейникъ со слезами въ голосъ разсказываетъ о такомъ нѣмецкомъ звѣрствѣ:

«Одна за другой мелькаютъ страшныя картины плѣна... Однажды нѣмцы рѣшили свести больныхъ въ баню, гдѣ ихъ вымыли, остригли и натерли мазью отъ вшей».

Бр!... Страшно!... Отъ этого звѣрства положительно морозъ по кожѣ пробѣгаетъ...

А вотъ еще одинъ, какъ говорятъ, «аналогичный случай былъ въ Одессѣ»:

«Тутъ выдернулъ онъ изъ моихъ штановъ рубашку, закинулъ ее мнѣ на голову, какъ щипцами захватилъ кожу на лѣвомъ боку, оттянулъ ее пальцами, ажно зашатался я, и сталъ рѣзать тѣмъ самымъ складнымъ ножомъ. Вскричалъ я отъ сильной боли и сталъ корчиться, но онъ дорѣзалъ, какъ хотѣлъ, и тутъ же бросилъ предо мной на полъ кусокъ моего тѣла мало съ ладонь». (!...)

Расписался бойкій раешникъ! Ничего не пожалѣлъ! И щипчики, и кожа и «мало, тѣла съ ладонь». Недаромъ въ одномъ мѣстѣ этой книги послѣ разсказа раненаго солдата своимъ односельчанамъ о томъ, какъ нѣмцы «пилами все нутро наружу выворачивали». — «Удавить! Зарубить идоловъ! Псамъ скормить поганыхъ!» — забурлили парни.

* * *

... Сидитъ слѣдственный редакторъ и говоритъ слѣдственному писателю:

— Ну, ужъ вы, пожалуйста, что-нибудь позабористѣе. А то въ прошлый разъ блѣдновато у васъ, милѣйшій...

— Хотите что-нибудь насчетъ костей или языко-отрѣзательное?

— Да нѣтъ, батенька, старо это. Вы что-нибудь посвѣжѣе.

— Эврика! Нашель!... Не угодно ли — такія милыя, изящныя полосы изъ человѣческой кожи. Снимаются ножомъ, саблей или лучше всего специальнымъ аппаратомъ: «Эпидерминъ». Патентованъ во всѣхъ странахъ или — «Нѣтъ больше кожи!»

— Удобно ли? ... Похоже на средство противъ угрей или лысины? ...

— Ничего! Выйдетъ великолѣпно. Вѣрте мнѣ.

Слѣдственный писатель сѣлъ за работу. Черезъ часъ появился новый разсказъ. Снятие кожи посредствомъ особаго аппарата было описано такъ реально, что даже плакали; многіе обращались съ запросами — откуда можно выписать этотъ аппаратъ; мадридскій капитанъ Лого-ди-Безоніо, утверждавшій, что его «Хромобромоскопъ» «идеально выводитъ веснушки», рвалъ на себѣ волосы и завидовалъ конкуренту; а слѣдственный писатель блаженно улыбался.

Приближалось двадцатое число...

Бор. Мирскій.

Рис. В. Лебедева.

ЧТЕНІЕ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬѢ.

Дѣвочка (читаетъ): — «... Будуаръ графини былъ весь покрытъ штофомъ...»

Слушатели (сплевывая): — Вотъ жили люди, а? Это какой же величины штофъ долженъ быть?

ВЕСНА ВЪ ГЕРМАНИИ.

— Аистъ, принеси мнѣ ребенка!
— Боюсь! Этотъ орелъ отыметъ.

ШУБА СО ШЛЕЙФОМЪ.

Въ одномъ городѣ (въ данномъ случаѣ не важно — въ какомъ) жилъ художникъ (фактъ!). И этотъ художникъ носилъ такую длинную шубу, что сзади она волочилась по землѣ, подобно дамскому шлейфу. И самому художнику это было неудобно, и тѣмъ людямъ, которые шагали сзади него, тоже было неудобно, ибо они непременно наступали ему на шлейфъ.

Когда пишущій эти строки спросилъ у художника, почему онъ носитъ такую длинную шубу, художникъ поднялъ на него свои кроткіе глаза и серьезно отвѣчалъ:

— Видите ли... теперь очень трудно прославиться. Нужно быть совершенно исключительнымъ человѣкомъ, чтобы тебя всѣ знали, чтобы на тебя обратили вниманіе. Своими картинами я ничего не сдѣлалъ. Теперь я рѣшилъ носить очень длинную шубу, и — что же! обо мнѣ всѣ говорятъ.

Дѣйствительно, всѣ въ этомъ городѣ запомнили чудака-художника, говорили о немъ и удивлялись: экую, молъ, длинную шубу носить человѣкъ. Прямо замѣчательная натура!

* * *

Депутатъ Бубликовъ прославилъ себя борьбой съ роскошью.

Эта его работа — та же длинная шуба, въ которой и самъ онъ путается, и другіе падаютъ, наступивъ на длинный неудобный хвостъ — но зато всѣ знаютъ депутата Бубликова.

Депутатъ Бубликовъ, вѣроятно, поставилъ себѣ образцомъ «борца» Чельшева, но тамъ было другое дѣло...

Наполеонъ былъ, дѣйствительно, въ сѣромъ походномъ сюртукѣ, но это не значитъ, что всякій, надѣвшій сѣрый походный сюртукъ — Наполеонъ.

Вотъ нѣсколько практическихъ иллюстрацій къ «работѣ» депутата Бубликова.

* * *

— Вы Бубликовъ?

— Я Бубликовъ.

— Нечего сказать — хороши...

— Виноваты...

— Конечно, виноваты! А то что же?.. Насморку нѣтъ?

— Н... нѣтъ, а что?

— Значитъ, носъ работаетъ. Такъ вотъ вамъ — флакончикъ, понюхайте... Ну? Какъ?

— Мерзость какая-то. Не то уксусъ, не то мятныя капли.

— То-то вотъ уксусъ! За этотъ уксусъ, батенька, 12 рублей плачено, да еще надсмѣялись надо мной въ магазинѣ.

— Вы мнѣ скажите прежде — что это такое?

— Это?! Духи!!! Русскіе духи, чтобы ихъ чортъ поѣралъ! Вы вѣдь запретили ввозъ заграничныхъ духовъ, такъ вотъ теперь наши отечественные Роже и Галле навалились. «Какъ вы, — говорю я, — за такую дрянъ 12 цѣлковыхъ можете?!» — «Завтра, — отвѣчаютъ, — по 14 перемѣтимъ, потому какъ, благодаря Бубликову, заграничной конкуренціи нѣтъ! Теперь только русскіе духи могутъ идти». Въ большомъ они восторгѣ отъ васъ. Говорятъ, парфюмеръ Шаромыжниковъ выпускаетъ даже въ вашу честь особые духи: «Одоръ де-Бубликофъ». Этимъ бы одоромъ его да по мордѣ. У васъ таракановъ тутъ не водится?

— Нѣтъ, а что?

— Да я хотѣлъ этимъ своимъ флакончикомъ попрыскать. Можетъ, хоть отъ таракановъ полезно. Потому, душитесь этой штукой нельзя, на больной зубъ я клалъ — не помогаетъ, и въ спиртовкѣ, вмѣсто спирту, не горитъ. Можетъ, у васъ тетка богатая есть — хотите ее отравимъ этимъ одоромъ? Я думаю, подѣйствуетъ, а?

* * *

— Вы Бубликовъ?

— Я, Буликовъ.

— Вы запретили ввозъ заграничныхъ сигаръ?

— Запретилъ.

— У васъ есть съ собой респираторъ?

— Чего-съ?

— Противогазы имѣете?

— Простите, не имѣю. Для чего?

— Надѣньте. Сейчасъ русскую сигару курить буду.

— Навѣрное, дешевка?

— Дешевка?! Шестьдесятъ рубликовъ сотня! Закурилъ нынче дома — сейчасъ же изъ Литейной части пожарная команда прилетѣла. Это вамъ не дешевка! А купчишка обнаглѣлъ, каналья — еще и смѣется: вы, говоритъ, не купите — на армію буду ставить, какъ удушливые газы противъ нѣмцевъ... Деньги-то есть?

— У кого? У нѣмцевъ?

— Подавитесь вы нѣмцами. У васъ, я спрашиваю, деньги есть?

— Немного есть.

— Дайте. Потому я разорился. Какъ вы запретили изъ-за границы все ввозить, то наши русскіе мерзавцы совсѣмъ белены объѣлись. Вы знаете, что съ сардинками дѣлаютъ? Выловятъ парудохлыхъ пискарей, оторвутъ имъ головы, сунуть въ коробку, зальютъ керосиномъ да и продаютъ, какъ «русскія сардины», по 3 рубля коробка. Потому — конкуренціи нѣтъ. Ёли?

— Нѣтъ, спасибо.

— Еще бы. Эхъ, вы! Борецъ! Туда же.

* * *

— Драсте, господинъ Бубликовъ.

— Здравствуйте.

— Господинъ Бубликовъ! Я васъ очень уважаю за вашу борьбу съ роскошью. По-моему, французская горчица — роскошь. Какъ вы находите?

— Гм... Не думаю. Это такая необходимая приправа...

— А, по-моему, роскошь. Запретите ее ввозить, а?

— Нѣтъ, это неудобно.

— Умоляю! На колѣнки стану!

— Хорошо... Я подумаю...

— Нечего и думать. Разъ все запрещаете — запрещайте и горчицу!...

— Но почему вы именно ко мнѣ обращаетесь?

— Вы самый подходящий...

— Неужели, вы такой патріотъ?

— Отчасти, конечно, я патріотъ, а отчасти у меня много желтой краски для половъ осталось. Нынче-то не красятъ — все больше паркетъ...

— Ну?!

— Я бы ее и выпустилъ послѣ запрещенія ввоза горчицы, какъ русскую французскую горчицу по 2 рубля баночка. Ей Богу... Кисленькая она и маслицемъ отдаетъ. Хотите въ компанію?

— Убирайтесь вонъ!

— Эхъ, вы! А еще сами говорите, что деньги должны остаться внутри страны!

* * *

Въ заключеніе:

Весь процессъ борьбы Бубликова съ роскошью и съ утечкой русскихъ денегъ за-границу напоминаетъ намъ поведеніе того умнаго хозяина гостиницы, который поймалъ ночью воровъ, обокравшихъ его кассу: онъ не отправилъ ихъ въ участокъ, не отпустилъ и даже не отобралъ у нихъ денегъ, а рѣшилъ просто задержать ихъ у себя, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы они жили въ его гостиницѣ, ёли, пили и за все это платили награбленными деньгами.

— Такимъ образомъ, — рѣшилъ умный хозяинъ, — въ концѣ концовъ все награбленное постепенно снова перейдетъ ко мнѣ.

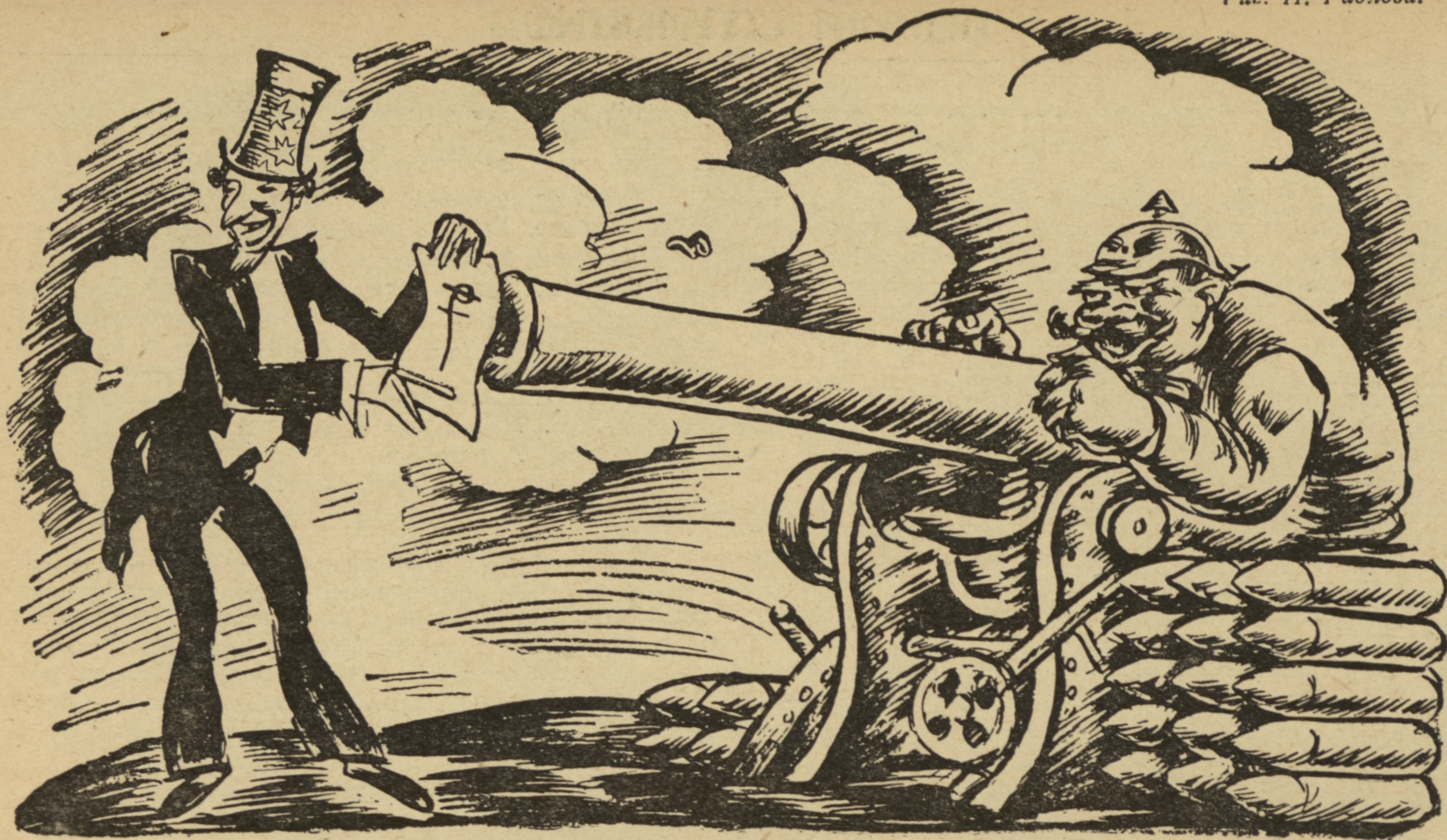
* * *

Этого хозяина гостиницы мы выдумали. Но Бубликовъ и его помощники — не выдуманы.

То-то вотъ и оно.

Медуза-Горгона

СЪ БУЛАВКОЙ ПРОТИВЪ НОСОРОГА.

Американецъ: — Женщины и дѣти! Теперь вы можете свободно ѣхать по морю! Это чудовище уже не можетъ выстрѣлить!

КОНЕЦЪ ШЕРЛОКА ХОЛМСА.

(Изъ записокъ доктора Ватсона.)

Я никогда не ожидалъ, что моему другу Шерлоку Холмсу всего въ нѣсколько дней предстоить такъ безславно пасть въ глазахъ общественнаго мнѣнія, но, увы — это такъ. Лучше было бы моему другу пасть отъ предательской руки наемнаго убійцы, чѣмъ позволить восторжествовать надъ собой злѣйшему его врагу, профессору Моріарти, — но послѣдній поставилъ на карту все и выигралъ ставку.

Шерлокъ Холмсъ уже давно сталъ замѣчать, что Моріарти что-то замышляетъ, и нѣсколько дней былъ озабоченъ. Впрыскивалъ морфій и игралъ на скрипкѣ. Потомъ, какъ это бывало всегда, его охватила кипучая дѣятельность. Онъ переодѣвался рыбакомъ, чтобы попасть на фешенебельные балы Уайтчепель-Сити, загримировался старой продавщицей гнилыхъ яблокъ, чтобы быть не замѣченнымъ въ литерной ложѣ Дарлингъ-Холла, но все было напрасно.

— Моя пѣсня спѣта, — съ грустью сказалъ онъ въ одинъ изъ вечеровъ, изъ предосторожности закуривая сигару съ обратнаго конца. — Моріарти задумалъ что-то слишкомъ серьезно.

— Вы побѣдите, Холмсъ, — твердо отвѣтилъ я, вставая съ постели, чтобы пожать ему руку, — вы побѣдите.

— Посмотримъ, — загадочно произнесъ онъ. — Скоро борьба начнется.

И не мѣняя тона, онъ загадочно легъ спать.

Борьба, дѣйствительно, началась.

* * *

Ночью мы были разбужены рѣзкимъ звонкомъ.

— Это звонитъ Грегсонъ, — увѣренно сказалъ Холмсъ, просыпаясь.

— Почему вы думаете? — съ удивленіемъ спросилъ я.

— Посмотрите на колокольчикъ, — кивнулъ головой Шерлокъ на прихожую.

— Я не вижу.

— Посмотрите на часы.

— Смотрю. Два ночи.

— Вы не наблюдательны. Читайте.

И Шерлокъ показалъ мнѣ записку: «Ровно въ два буду. Грегсонъ».

— Въ нашей профессіи ничего нѣтъ загадочнаго, милый Ватсонъ, — снисходительно улыбнулся Холмсъ. — Нужно только идти путемъ умозаключеній. Войдите, Грегсонъ.

Никто не входилъ. Я поблѣднѣлъ и схватился за револьверъ.

— Достаньте, Ватсонъ, валерьяновыхъ капель. За дверь-

ми женщина. Она волнуется и не рѣшается войти. Войдите.

Дверь отворилась, и на порогъ показался громадный рыжій мужчина, съ большимъ пятномъ крови на ладони.

— Это вы, Шерлокъ Холмсъ?

Мой другъ осмотрѣлъ прибывшаго съ ногъ до головы и кинулъ:

— Я. Садитесь. Вы каменотесъ?

— Меня зовутъ Джемсомъ Кеннеромъ. По профессіи — убійца малолѣтнихъ. Вы разслѣдуете дѣло объ убійствѣ старухи въ домикѣ у Реджинальдъ-Парка?

— Васъ это интересуеетъ?

Я увидѣлъ, что глаза у Холмса загорѣлись особымъ огонькомъ.

— Немного. Старушку-то я убилъ.

Я опустился на стулъ. Холмсъ вздрогнулъ.

— Расскажите подробности.

— Да тутъ и подробностей никакихъ не было. Вошелъ черезъ открытую дверь, ударилъ дубинкой, а деньги взялъ.

Холмсъ посмотрѣлъ на Джемса Кеннера и покачалъ головой.

— Убійца не въ

— Вотъ тебѣ разъ, — возмущился Кеннеръ, — чай мнѣ лучше знать.

— Не правда. Вы подсланы Моріарти.

— Это — къ вамъ отъ Моріарти. А старушку по собственному почину. Своя, такъ сказать, инициатива.

— Докажите.

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Наручники сейчасъ надѣнете, или послѣ?

* * *

Черезъ полчаса мы были на мѣстѣ происшествія, въ домикѣ у Реджинальдъ-Сквера. Грегсонъ, Холмсъ, Кеннеръ и я вошли въ домъ, а полицейскіе остались у воротъ.

Кеннеръ весело расхаживалъ по комнатѣ.

— Отсюда вотъ вошелъ, — спокойно объяснялъ онъ, — шагнулъ черезъ порогъ, старушка, значить, удивилась да отъ меня. Здѣсь вотъ я ее догналъ и доканалъ по головѣ.

— Негодяй говоритъ правду, — прошепталъ Холмсъ. — Кеннеръ! Почему вы сознались?

— Да что же не сознаваться-то? Кабы не убійство, а то дѣло чистое. Убилъ и сознался.

— Васъ повѣсятъ, — вѣжливо вставилъ Грегсонъ.

— Да, за такія дѣла по головкѣ нельзя гладить, — охотно согласился Кеннеръ. — Повищу за старушкино здоровье. Холмсъ стоялъ хмурый.

— Погода въ этотъ день была грязная, — нерѣшительно сказалъ онъ, поглядывая на полъ, — и вы долго ходили по улицѣ.

— Это вѣрно. Дождина былъ здоровый, а я пѣшкомъ припѣрь.

— Скотина, — шепнулъ Холмсъ, — все изъ-подъ рукъ вырываетъ... Ушли вы изъ дома...

— Черезъ четверть часа. Параднымъ ходомъ.

Кеннеръ немного помолчалъ, посмотрѣлъ на часы и зѣвнулъ:

— Ну, въ тюрьму, такъ въ тюрьму... Время дѣтское, отправить еще и сейчасъ успѣете...

Когда мы вдвоемъ подъѣзжали къ дому, Шерлокъ закурилъ трубку.

— Моріарти пустилъ въ ходъ небывалое оружіе. Я погибаю.

* * *

Не успѣли мы отдохнуть отъ потрясеній этой ночи, какъ черезъ четыре дня весъ Лондонъ потрясло извѣстіе о кошмарномъ убійствѣ въ отелѣ «Средней Козы», гдѣ жертвами пали старикъ-отецъ съ однимъ законнымъ и двумя побочными сыновьями.

Грегсонъ позвонилъ сейчасъ же, какъ только полиціи стало извѣстнымъ убійство.

— Приѣзжайте, — взволнованно говорилъ онъ. — Насъ не пускаетъ въ гостиницу хозяинъ. Онъ увѣряетъ, что онъ сообщникъ, и ему не приказано никого пускать въ комнаты убитыхъ до вашего приѣзда.

— Нужно взять револьверъ, Холмсъ?

— Не берите, — грустно прошепталъ мой другъ. — Онъ намъ, кажется, не понадобится... Вдемте.

У воротъ насъ дожидался кэбъ. Кучеръ наклонился къ Холмсу и громко сказалъ:

— Скорѣе, сэръ. Я уходилъ изъ дома послѣднимъ, едва успѣвъ покончить съ младшимъ изъ семьи, и каждую минуту туда можетъ войти полиція. Она отниметъ у васъ честь раскрытія преступленія.

Не разъ намъ приходилось переживать жуткія минуты, но ѣхать среди бѣлаго дня въ кэбѣ, управляемомъ сенсационнымъ убійцей — это было слишкомъ.

Въ комнатѣ убитыхъ мы застали полный беспорядокъ. Я посмотрѣлъ на Холмса: онъ стоялъ блѣдный, съ дрожащими руками. Тяжело вздохнувъ, Холмсъ опустился на колѣни и, посмотрѣвъ на слѣдъ, оставленный грязной ногой, съ ужасомъ схватился за голову.

Слѣдъ былъ тщательно очерченъ мѣломъ, а около него лежала приколотая кнопкой записка: «32 сантиметра. Слѣдъ мой. Ботинки покупалъ на Бриджъ-Авеню въ Универсальномъ магазинѣ, у приказчика съ рыжей бородой. Вильямъ Стрэдъ».

— Ватсонъ, я съ ума схожу...

Мы осторожно подошли къ подоконнику. На немъ лежалъ окурокъ, а около окурка чьей-то неторопливой рукой было написано: «Окурокъ мой, сообщника. Улица Пятерыхъ, д. № 5, въ подвалѣ, вызвать черезъ Джима, по прозванію Зеленая Крыса. Дома отъ 4 до 6. Самуилъ Брайтонъ, бѣглый каторжникъ».

— Позовите прислугу отеля, — дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Холмсъ, безсильно опускаясь въ кресло. — А вы, Грегсонъ, съѣздите по адресу Универсальнаго магазина и допросите приказчика...

Когда лакеи отеля собрались въ комнату, Шерлокъ окинулъ ихъ пытливымъ взглядомъ и спросилъ:

— Кто былъ дежурнымъ сегодня ночью?

— Я, сэръ, — почтительно отвѣтилъ самый молодой, съ неприятымъ хищнымъ лицомъ, — я и впускалъ убійцу. У насъ было условлено, что они придутъ на полчаса раньше, но они опоздали.

— Долго они здѣсь были? — упавшимъ голосомъ сказалъ Холмсъ.

— О, нѣтъ, сэръ, — отвѣтилъ другой лакей. — Я все время стоялъ на стражѣ, чтобы кто-нибудь не вошелъ. Всего четверть часа. Эти почтенные господа поумирали быстро.

— Не будь я Джэкъ Спринтъ, за которымъ полиція гоняется четыре года, — воскликнулъ третій лакей, — если кто-нибудь умиралъ быстрѣе этихъ молодыхъ джентельменовъ.

— Цѣлью было ограбленіе? — отвернувшись въ сторону, спросилъ Холмсъ.

— О, да, сэръ. Въ несгораемомъ ящикѣ мы оставили записку, сколько нами взято денегъ, а также подробный адресъ лица, у котораго эти деньги хранятся.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулся Грегсонъ.

— Я видѣлся съ приказчикомъ. Лицо, купившее ботинки, оставило у него свой адресъ и просило сообщить о немъ полиціи. Это Вильямъ Стрэдъ.

— Не забудьте, что и я убивалъ, — раздался сзади насъ голосъ.

Мы обернулись. Передъ нами стоялъ кучеръ нашего кэба.

— И я человекъ, — добавилъ хозяинъ отеля, входя въ комнату, — и меня забывать не надо. Не знай я обо всемъ, ничего и не произошло бы. Фамилія моя — Бриджерсъ. Судился четыре раза.

— Дѣлайте, что хотите, Грегсонъ, — крикнулъ Холмсъ, затыкая уши. — Моріарти издѣвается надо мной... Если еще пять-шесть такихъ убійствъ, мнѣ придется открыть табачную лавочку, или сдѣлаться маркеромъ... Я долженъ чѣмъ-нибудь зарабатывать кусокъ хлѣба...

И съ истерическими криками онъ бросился на улицу.

* * *

Во время разслѣдованія слѣдующаго убійства, на которое Грегсонъ и его товарищъ Лестардъ, позвали Холмса, убійца просто дожидался около трупа и читалъ газету.

— Какъ вы долго, — съ укоромъ обратился онъ къ Холмсу. — Я уже и слѣды оставлялъ, и окурки бросаю, и оттиски съ пальцевъ понадѣлалъ на всѣхъ стеклахъ, даже руку разрѣзалъ, чтобы оттиски яснѣе были, а вы такъ опаздываете...

— Подлецъ, — съ возмущеніемъ бросилъ Холмсъ. — отъ себя работаешь, или отъ Моріарти?

Отъ него. Онъ сегодня къ вамъ въ шесть часовъ звонить будетъ.

Это оказалось правильнымъ. Ровно въ шесть часовъ раздался телефонный звонокъ, и трубка едва не выпала изъ рукъ Холмса, когда онъ приложилъ ее къ уху.

— Здравствуйте, Холмсъ. Это я — Моріарти.

— Я сотру тебя съ лица земли, — хрипло крикнулъ Холмсъ. — Я не арестую тебя сейчасъ, но когда придетъ время...

— Будетъ, Холмсъ. Вы обязаны меня арестовать. Я говорю въ присутствіи двухъ постороннихъ лицъ, хозяина булочной и какого-то футболиста, что вы обязаны арестовать меня. Иначе я донесу полиціи... Жду васъ на четырнадцатой аллеѣ Гайдъ-Парка. Приходите съ Ватсономъ и полиціей.

— Я схожу съ ума, — прошепталъ Холмсъ. — Онъ меня преслѣдуетъ. Одѣвайтесь, Ватсонъ.

Когда мы съ Шерлокомъ, Грегсономъ и дюжиной полисменовъ приѣхали на условленное мѣсто, Моріарти уже стоялъ тамъ, дожидаясь насъ, окруженный массой публики и репортеровъ. Холмсъ вплотную приблизился къ Моріарти.

— Я безсиленъ, — задыхаясь отъ злобы, несмотря на свое хладнокровіе, сказалъ Холмсъ. — Вы припрятали концы въ воду, и я не могу васъ арестовать. Но я доберусь до васъ, когда у меня будутъ въ рукахъ данныя...

— Объ ожерельѣ лэди Грахамъ? — спросилъ Моріарти.

— Вы, конечно, отправили его въ Америку, вмѣстѣ съ перстнемъ графа Пешбери?

— Ничего подобнаго, — и Моріарти опустилъ руку въ карманъ, — вотъ ожерелье, вотъ перстень. А вотъ, кстати, и медальонъ съ убитаго герцога Рококо. А вотъ браслеты графини Ампиръ.

— А... того... собственноручныя убійства...

— Для двухъ висѣлицъ хватить. Во-первыхъ, убійство стараго фермера въ Пендджерѣ. Самъ работалъ. Во-вторыхъ...

— Грегсонъ, — сдерживая слезы отчаянія, пробормоталъ Холмсъ, — я, кажется, здѣсь лишній.

На другое утро репортеры большихъ газетъ оповѣстили о случившемся читателей поучительной замѣткой, которая заканчивалась такъ:

«... нарядомъ полиціи былъ арестованъ извѣстный преступникъ, профессоръ Моріарти. При арестѣ присутствовало много посторонней публики. Среди присутствующихъ: Шерлокъ Холмсъ...»

* * *

Черезъ полгода однажды утромъ я безцѣльно бродилъ по улицамъ Лондона. Около Гайдъ-Парка я встрѣтилъ какую-то процессію. То были безработные. И когда я ближе всмотрѣлся въ проходящихъ мимо, я на мгновение увидѣлъ четкій профиль Шерлока Холмса.

— Холмсъ! — крикнулъ я.

Онъ обернулся, посмотрѣлъ на меня усталыми глазами и, повидимому, не узнавъ, сказалъ:

— Можетъ быть сэръ, хочеть предложить мнѣ какую-нибудь работу? Въ этомъ проклятомъ Лондонѣ можно сдохнуть съ голода, не имѣя опредѣленной профессіи...

И, махнувъ рукой, онъ пошелъ дальше.

НА ВЕСЕННИХЪ ПОДМОСТКАХЪ.

Лучь у Солнца, у Дворника — скребокъ,
 Вотъ какіе настали дни:
 Дворникъ и Солнце на улицѣ хозяева.
 Грѣтъ улица свой правый бокъ
 Жаль, что лѣвый зябнетъ въ тѣни,
 Хочешь не хочешь — побаловать нельзя его.
 Клячи сами норовятъ — вскачь,
 Ледь умирающій везутъ на ледникъ,
 Голубей весеннихъ слушаютъ плачь.
 Солнце и Дворникъ —
 Рука объ-руку:
 Какъ у Дворника — на Солнцѣ бѣлый передникъ —
 Облако;
 Рубаха, какъ у Дворника —
 Красный кумачъ.
 Дѣвушки на улицѣ — живой персонажъ
 Изъ послѣдняго лирическаго сборника
 Влюбленного поэта.
 Солнце и Дворникъ! Сегодня праздникъ вашъ!
 И, что сегодня бенефисъ Солнца и Дворника,
 Развѣ не правда это?
 Замечайте же въ сточный дренажъ
 Лучи голубого свѣта!
 Дворникъ и Солнце! Сегодня праздникъ — вашъ!
 Загорайся, снѣгъ, гори до тла!
 Мети метла —
 Розовая!
 Солнечная — золотая метла!
 Дворницкая —
 Березовая!

Валентинъ Горянскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Развѣнчанный Володя.

По словамъ „Приаз. Кр.“, на-дняхъ преподаватель математики въ Алексѣевскомъ городскомъ высшемъ начальномъ училищѣ въ Екатеринодарѣ г. Гаврильченко устроилъ въ своемъ училищѣ сеансъ для учащихся, на которомъ развѣнчалъ извѣстнаго феномена-ребенка Зубрицкаго, показавъ не одного, а нѣсколькихъ „Зубрицкихъ“. Ученики бухгалтерскаго класса этого училища безъ напряженія „умственныхъ способностей“ съ еще большимъ успѣхомъ множили числа и извлекали кубическіе корни.

Вотъ какимъ образомъ, маленькій Екатеринодаръ оказался умнѣе большого Петрограда...

Вологодскій экспортъ.

Одинъ октябристъ въ Г. Думѣ сказалъ съ трибуны (см. стенографич. отчетъ):

Въ Вологдѣ, какъ мнѣ рассказывали, пріемъ представителей кончился даже безъ всякаго обмѣна рѣчей, а А. Н. Хвостовъ прямо поѣхалъ въ мѣстный монастырь и вывезъ оттуда новаго старца Мартемьяна, происходящаго изъ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ.

Какъ можетъ малолѣтній преступникъ сдѣлаться большимъ старцемъ — это, очевидно, секретъ изобрѣтателя А. Н. Хвостова.

Папуасы.

Отрывокъ изъ кинематографической программы театра „Уніонъ“:

Интересно смотрѣть картину, какъ молодая грѣшница — дочь бѣдныхъ крестьянъ сдѣлается графиней. Можно сказать, что не постоянно улыбается такое немѣримое счастье. Какъ дойти до этого можно видѣть на экранѣ въ „Уніонѣ“.

Немѣримое счастье быть грамотнымъ человѣкомъ. Для кинематографовъ это счастье недосыгаемо.

Послѣднее слово техники.

Фри-Дикъ въ „Вечерн. Бирж.“ рассказываетъ такое:

На-дняхъ въ одномъ кинематографѣ произошла слѣдующій случай.

Во время демонстраціи картины между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ на экранѣ появилась надпись: „Мнѣ не уплачиваютъ за два мѣсяца жалованья, — операторъ, сидящій въ будкѣ“. Послѣ этого демонстраціи картины продолжалось, но публика топчаніемъ ногъ и шиканіемъ выражала свой протестъ.

Идя по такому пути, можно дойти до цѣлаго діалога:
 Надпись на экранѣ. — Мнѣ не платятъ жалованья.
 Публика, помощи! Съ почтеніемъ — операторъ.

Голосъ изъ-за экрана. — Вретъ онъ. Онъ, господа, пьяница.

Надпись на экранѣ. — Это не твое дѣло! Не ты подносишь. Мнѣ мои денежки подай!

Голосъ изъ-за экрана. — Кукишь съ масломъ получишь!

Надпись на экранѣ. — Господа зрители, кто сидитъ поближе къ экрану! Зайдите за полотно, дайте хозяину по мордѣ.

Недаромъ кинематографъ считается развлеченіемъ чисто семейнымъ...

Гастрономы.

Идти въ ногу съ вѣкомъ трудно, но все же нѣкоторые, у которыхъ есть для этого достаточное количество ногъ — ухитряются поспѣвать за вѣкомъ:

„Первоклассный ресторанъ“ „Метрополь“ въ г. Никольскѣ-Уссурийскѣ печатаетъ въ мѣстной газетѣ свою новую „а-ля картъ“ изысканныхъ блюдъ, въ которую входятъ: котлеты танго, филей славнаго воеводы „Сербіи“, каша въ горшкахъ генерала Драгомирова и „барашекъ а-ля депутатъ Чхеидзе“.

Въ списокѣ этихъ модныхъ блюдъ не хватаетъ, однако, еще одного:

„Телятина à la Орловъ-Давыдовъ“.

Статистика.

„Веч. Время“ подсчитало, что съ іюня прошлаго года ушли председатели совѣта министровъ Горемыкинъ, 3 министра внутреннихъ дѣлъ, 2 военныхъ министра, 2 оберъ-прокурора синода, по одному министру путей сообщенія, земледѣлія, юстиціи, торговли и контроля; далѣе 6 товарищей министра внутреннихъ дѣлъ, 2 товарища оберъ-прокурора синода, по одному товарищу министровъ военнаго и морского и 3 директора департамента полиціи. А. Н. Хвостовъ перемѣстилъ 13 губернаторовъ и уволилъ 4.

А, вѣдь, хорошіе все люди были!

Мама-полиція.

Съ думской трибуны въ свое время былъ прочитанъ циркуляръ такой хорошей, что всѣмъ сдѣлалось пріятно и весело:

Принимая во вниманіе близость полиціи къ населенію, прошу ваше превосходительство поручить чинамъ полиціи, въ случаѣ какихъ-либо открытій и изобрѣтеній или проявленнаго тѣмъ или инымъ лицомъ творчества, будь то въ области сельскаго хозяйства или технологии, поэзіи, живописи или музыки, а тѣмъ болѣе военнаго искусства, — немедленно доводить о томъ до вашего свѣдѣнія, а затѣмъ по провѣркѣ сообщать безотлагательно министерству внутреннихъ дѣлъ, по департаменту полиціи. (Смѣхъ слѣва.) Подписалъ министръ Хвостовъ сѣрѣпилъ Кафафовъ“.

И наступитъ чудесное идиллическое время...

На тихой, мирной улицѣ внезапно раздается крикъ:

— Городовой!

Къ источнику крика спѣшитъ городской, наталкивается на мирно стоящаго у воротъ своего дома гражданина:

— Ты кричалъ?

— Я кричалъ.

— Грабятъ, что ли?

— Ничего подобнаго. Веди, городской, меня въ участокъ, я картину написалъ.

— Нѣтъ, — скажетъ городской. — Картина у тебя нехороша, а вотъ голосъ, когда ты кричалъ „городовой“ — чудесный. Пойдемъ въ участокъ, пусть тебя г. околоточный послушаетъ. Если понравишься, по этапу въ консерваторію вышлемъ.

Такимъ образомъ, полиція будетъ открывать таланты.

А раньше ея специальность была только „закрывать“.

Въ культурномъ государствѣ живемъ мы, чортъ насъ подери!

„Нормальный договоръ“.

Одесскій журналъ „Кино“ приводитъ слѣдующее письмо, адресованное дирекціи одесскаго театра „Миниатюръ“.

„М.м. Г.г. Прошу уважаемую дирекцію театра „Миниатюръ“ освободить меня отъ контракта, т. к. согласно нормальному договору театральнаго о-ва я забеременѣла.“

Артистка N. N.“

Поистинѣ — вотъ рѣдкій договоръ, въ которомъ все предусмотрено!

ПО ЛИНИИ НАИМЕНЬШАГО СОПРОТИВЛЕНІЯ.

- Ты куришь? Фи! Но вѣдь ты блондинка, а курить идетъ только брюнеткамъ!.. Брось курить.
— Зачѣмъ же? Я лучше перекрашусь.

ВЕСЕЛАЯ ВЕСНА.

Пригрѣтый мѣръ румянъ и зеленъ:
Дразня дѣвиць несложный вкусъ,
Со всѣхъ бугровъ, изъ всѣхъ разсѣлинъ
Трава щетинится, какъ усъ.

Томящій лучъ игривъ, какъ чирикъ:
Въ травѣ, на крышѣ, на крыльцѣ.
Скользнувъ въ глаза, веснушки выжегъ
На зацѣлованномъ лицѣ.

И дальше въ путь — по встрѣчнымъ лицамъ...
Грѣхомъ любясь сквозь очки,
Въ глухихъ аллеяхъ лнуть къ дѣвицамъ
Съ беззубымъ смѣхомъ старички.

Взыгравшей телкой сбить подошникъ.
Въ гробу слышавъ жизни гулъ,
Своимъ могильщикамъ покойникъ
Глазкомъ лукаво подмигнуть.

Эммануиль Германъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Стиль столичныхъ газетъ вызываетъ изумленіе даже у провинціаловъ:

Сегодня въ театрѣ Сабурова въ послѣдній разъ идетъ комедія „Хорошо сшитый фракъ“, съ участіемъ С. Ф. Сабурова въ главной роли.

Слава Богу, тутъ еще можно разобратъся: просто Сабуровъ загримируется фраккомъ и мужественно исполнитъ эту трудную роль.

Но, — спрашивается — чѣмъ ему пришлось бы загримироваться, если бы пришлось ему играть Островскаго: „Не въ свои сани не садись“?

*

Въ камерѣ одного изъ петроградскихъ мировыхъ судей слушалось дѣло.

Суть дѣла въ слѣдующемъ: сотрудникъ „Земщины“ и „Рус. Знамени“ Злотниковъ читалъ лекцію „Юдеи въ искусствѣ“ — въ вполнѣ определенномъ освѣщеніи. Обвиняемая г-жа Д. при выходѣ крикнула лектору „мерзавецъ!“ Свидѣтели показали, что лекція носила ярко антисемитскій характеръ. У лектора не сходило съ устъ слово „жидъ“. Злотниковъ выразилъ, между прочимъ, сожалѣніе, что евреямъ не ломаютъ позвоночника. Вообще, лекція представляла сплошной призывъ къ погрому. Въ публикѣ раздавались бранные возгласы по адресу лектора. Съ нѣкоторыми слушательницами приключилась истерика. Приставъ трижды останавливалъ Злотникова и, наконецъ, закрылъ собраніе. Судья призналъ, что лекторъ позволилъ себѣ выразе-

нія, которыя не могли не вызвать возмущенія, но въ виду наличности нарушенія 138 ст., приговорилъ г-жу Д. за слово „мерзавецъ!“, брошенное г. Злотникову — къ рублевому штрафу.

Совсѣмъ недорого. „Мерзавецъ“, оказывается, подешевѣлъ. При современной дороговизнѣ — даже почти даромъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Невск., 68. — Дикой уткѣ. — „... Это была дѣвушка въ суконной юбкѣ, взглядъ которой онъ уже уловилъ...“

Очевидно, даже у суконной юбки есть на васъ свой взглядъ. Языкъ вашъ — изъ того же матеріала, что и юбка.

Палкину И. — „Откровенно говоря, вашъ журналъ чрезвычайно мнѣ улыбается“...

Уже, улынулся.

Б. Москва.

Н. Кузьмину. — Ки-ко. М. М. — К. Д. — Б. Прѣсня, Богданову, — Н. Дикому. — Влад. Вознесенскому. Не подошло.

В. Провинція.

Одесса. — Киру Киричу. — Нижеслѣдующіе стихи не приняты:

... И лишь только наступаетъ ночь
Мысли, мысли лѣзутъ въ голову,
Но гоню я мысли прочь“.

Этого не слѣдуетъ дѣлать.

Такая система вредно отражается на творчествѣ.

Ростовъ-на-Дону. — Очковой змѣѣ. — Фраза изъ романа:

„А городъ уже издали привѣтливо и радостно кивалъ мнѣ макушками своихъ церквей“...

Чего онъ такъ обрадовался, спрашивается?

Боимся: не почудилось ли это вамъ?

Дальше, у васъ:

„Рояль пѣла и стонала“.

Застонешь.

Безъ города. — М. Б. К. — Разсказъ нѣсколько однотоненъ:

„У Кати были пушистые пепельные волосы“, „... она поцѣловала его пепельную шевелюру“, „онъ крутилъ свои красивые пепельные усы“, „она склонила пепельную голову“...

Можно подумать, что ваши герои, столь скучно описанные, посыпали въ знакъ траура свои головы пепломъ. Кромѣ того, разсказъ очень длиненъ, а мысль въ немъ крохотная. Это напоминаетъ маленькую головку жирафа на бесконечно длинной шеѣ. Уничтожено.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

4-й годъ изданія. на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 4-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой
8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА съ рисунками.

Фотографъ-любит., Анцова — 50 к. Ретушерь-любит., Анцова — 40 к. Ретушь и крашваніе фотографій — 50 к. Спутникъ фотографа, Давидъ — 1 руб. Какъ исправ. неудачн. негативы? Евдокимова — 50 к. Копированіе чертежей, Кольсонъ 30 к. Химія фотографа, Конвицка — 30 к. Фотографическія бумаги, Ламтева — 65 к. Моментальная фотография, Шмидтъ — 40 к. Фотография для начинающихъ, Шмидтъ — 60 к. Высылаетъ технич. книж. скл. А. Сухова, Петроградъ, Б. Подъячская, 19 и книжн. маг. А. Петрова, Москва, Волхонка, д. № 1 уг. Знаменки пр. Румянцевскаго музея. Пересылка 1 кн. — 18 к., 2 кн. — 22 к., 3 кн. — 26 к., 4 кн. — 30 к., 5 кн. — 34 к., нал. плат. на 10 к. дорожѣ. При заказѣ на 3 руб. перес. бесплатно. Полный каталогъ высыл. даромъ.

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Новаго Сатирикона“ взымаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп.

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫМЪ
КРЕМЪ **КАЗИМИ**
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИН-
СТВЕННО
ПРИЗНАННЫЙ
ЖЕНЩИНАМИ
ВСЕГО МИРА.
БЕЗСПОРНО РАДИ-
КАЛЬНОУДАЛЯЕТЪ
ВЕСНУШКИ, УГРИ,
ПЯТНА, ЗАГАРЬ,
МОРЩИНЫ
И ДР. ДЕФЕКТЫ
ЛИЦА.

Casimir

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу пятый томъ пьесъ

Аркадія Аверченко.

„БЕЗЪ СУФЛЕРА.“

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „Похорошему и др.

Ал. Вознесенскій

Путь Агасеера

Книга стиховъ съ предисловіемъ Леонида Андреева.

Издание второе.

Цѣна 1 р. 25.

Изд. „ШИПОВНИКЪ“, Петроградъ, Николаевская, 31.

(Напечат. въ Правит. вѣстн. 1915 г. № 226).

Фирма
ОСНОВАНА въ 1903,
удостоена **ВЫСШИХЪ** наградъ
на выставкахъ
въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ,
Флоренціи и проч.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londre, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА

ИЗ
СЪМЕННЫХЪ
ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ

Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгій, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—**бесплатно.** 20%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 290. Телегр. адр.— Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ съменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

ФИЗИОЛОГІЯ И АНАТОМІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Приложеніе:

ПСИХОЛОГІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Составлено по источникамъ и такъ:
Арк. Аверченко, Арк. Буховъ, Георгій Ландау, Н. А. Тэффи. Иллюстр.
Н. А. Тэффи.

Цѣна 1 руб. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Аркадій Аверченко.

О МАЛЕНЬКИХЪ--ДЛЯ БОЛЬШИХЪ.

РАЗСКАЗЫ О ДѢТЯХЪ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

О хорошихъ, въ сущности, людяхъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.

Цѣна 60 коп.

Аркадій Буховъ.

ЖУКИ НА БУЛАВКАХЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Тэффи.

НЕЖИВОЙ ЗВѢРЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

И СТАЛО ТАКЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

КАРУСЕЛЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 р. 50 к.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

Цѣна 1 руб. 25 к.

Владиміръ Воиновъ.

Солнечные рассказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

Письмовникъ

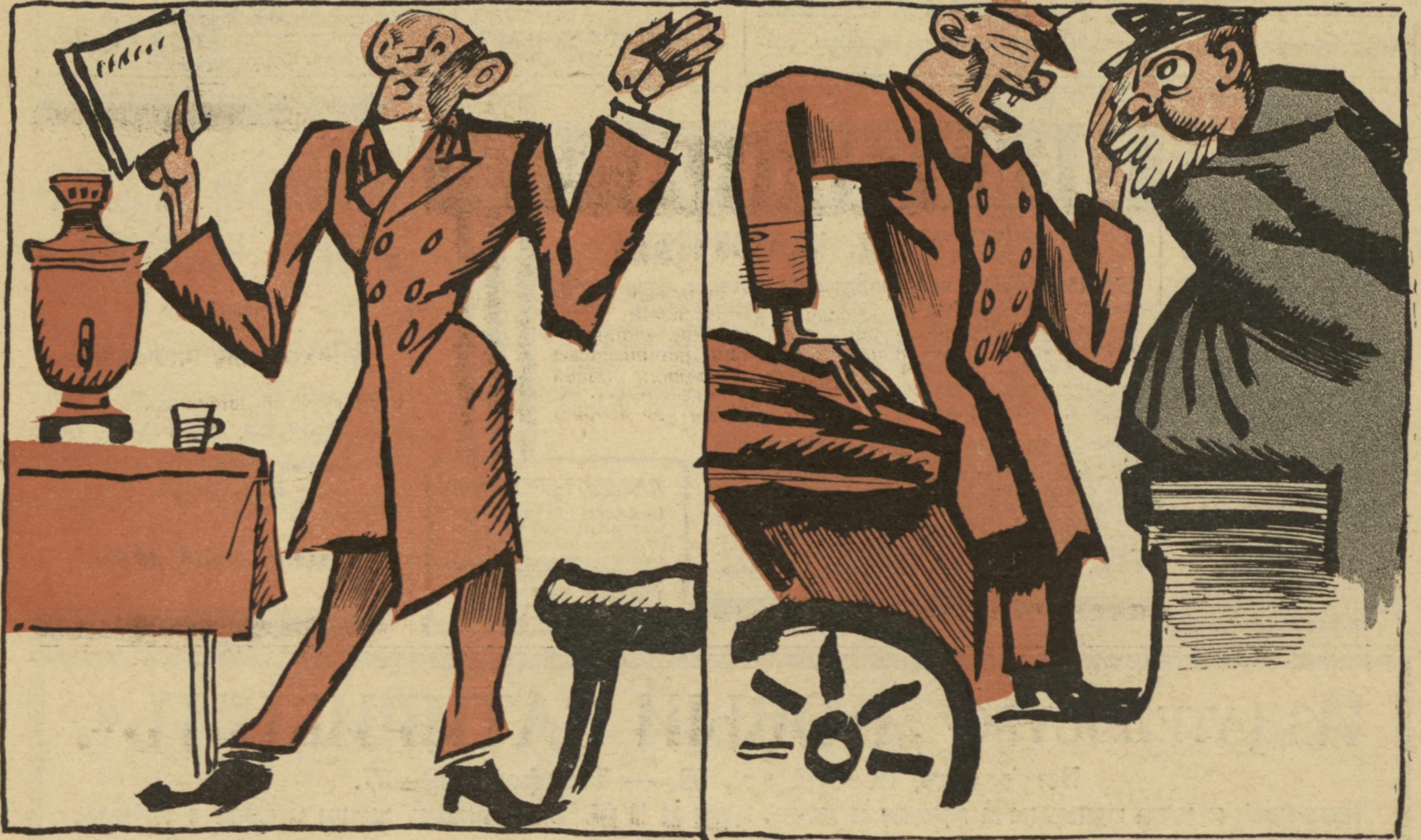
„Новаго Сатирикона“.

Текстъ: — Арк. Аверченко, Арк. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Е. Дольскаго, Г. Ландау.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Министерство вн. дѣль издало рѣчи П. Столыпина. Книга эта не поступитъ въ продажу, а будетъ распространена среди чиновниковъ, какъ образецъ сильной власти. (Изъ газетъ.)

Рис. А. Радакова.

Шукинъ прочелъ книгу и умилился: — вотъ она, сильная-то власть — буду подражать, и я достигну.

Шукинъ экономилъ на завтракахъ, для того, чтобы имѣть возможность ѣздить на извозчикахъ и говорить имъ твердымъ голосомъ: „Бьешь, голубчикъ, не по коню, а по оглоблямъ“.

Всѣ сбереженія онъ тратилъ на покупку дико-дорогихъ вещей, чтобы имѣть возможность сказать: „Не запугаете!“

Послѣ того, какъ его жена узнала объ этомъ, Шукину съ большимъ паѳосомъ пришлось сказать фразу: „Вамъ нужны великія потрясенія, намъ нужны великія реформы!“ Синяки у Шукина болѣли, но сознание честно исполненнаго долга радовало его.

И онъ сталъ увѣренно ждать повышения.